

УДК 94(4)–054.72 «1920–1930»

В. С. Лавренко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ОСМЫСЛЕНИЕ ОПЫТА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА СТРАНИЦАХ ВОЕННОЙ ПЕРИОДИКИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Зроблено спробу узагальнення досвіду Першої світової війни та її уроків, здобутих російською міжвоєнною еміграцією. Виокремлено ряд аспектів цього досвіду, зокрема: воєнний, спілкування з «іншими», підготовки армії та населення до війни.

Ключові слова: Велика війна, історичний досвід, російська військова еміграція, періодика.

Осуществляется попытка обобщения опыта Первой мировой войны и ее уроков, усвоенных русской межвоенной эмиграцией. Выделен ряд аспектов этого опыта: военный, общения с «другими», подготовки армии и населения к войне.

Ключевые слова: Великая война, исторический опыт, русская военная эмиграция, периодика.

Im Mittelpunkt des Beitrags steht die Verallgemeinerung der Erfahrungen des Ersten Weltkrieges und seiner Lehren für die russische Emigration der Zwischenkriegszeit. Hervorgehoben werden einzelne Aspekte dieser Erfahrungen: militärischer Aspekt, Kommunikation mit den «Anderen», Vorbereitung der Armee und der Bevölkerung auf den Krieg.

Schlagwörter: Großer Krieg, historische Erfahrung, russische Militäremigration, Periodikum.

The attempt to summarize the experience of the First World War and its lessons, learned by Russian interwar emigration, is made in the article. The row of aspects of this experience is shown. They are – the military aspect, communicational aspect and the preparation of army and population to the war.

The author stresses the great importance of military experience of former World War in the context of next one's coming, which was predictable for Russian refugees. The discussion about the character of future war (positional or mobile) in the surrounding of Russian emigration of the first after-revolutional wave is shown. The discussion about the effectiveness of cavalry in the next war is also analyzed by the author of the article. Thoughts of Russian emigration about principles of army equipment and connections between rearward and front are examined.

The author discovered one phenomenon: Russian emigration did an assent on the fact that Russian troops helped their Antanta allies even in cases where this help could damage their own interests. Such position caused a lot of conflicts between these groups abroad. The question of Russian-German convergence after the war and its reasons are also enlightened.

The article is devoted to the questions of the preparation of population before the war. The Great War showed the actuality of faster officer's courses and learning of psychological aspect of people's behavior on the battlefield. Russians in exile had some researches on these questions, their results are stressed by V. Lavrenko.

Though opinion of Russian emigration about the conclusions of the First World War gives very interesting material for historians, their experience left on the paper only, because emigrants did not have real possibilities to influence geopolitical decisions during 1939–1945.

Keywords: Great War, historical experience, Russian interwar emigration, periodicals.

Изучение вопросов исторического опыта и его осмысления имеет как общественную, так и научную актуальность. Не секрет, что в современном социуме, который можно охарактеризовать как информационный, СМИ и политические силы, за ними стоящие, часто используют апелляции к прошлому ради своих сиюминутных интересов. Такая неумелая игра с массовым историческим сознанием приводит к плачевным результатам: национальному снобизму, разжиганию межнациональной розни, виктимизации этносом своей действительности, а как следствие – к поиску виноватых в своих проблемах и прочее. Избежать этого можно только путем продуманной политики памяти, разрабатывать которую целесообразно лишь после осмысления и обобщения исторического опыта на уровне академической науки и публичных интеллектуалов. В силу этого, на передний план среди вопросов истории, изучение которых затребовано обществом, выдвигаются модели диалога человек-прошлое, существовавшие ранее.

Что касается научной актуальности, то изучение рефлексий людей предыдущих эпох над своим прошлым выводит нас на постановку проблемы методологического характера о том, может ли история преподносить какие-либо уроки человечеству.

Великая война еще в момент ее начала рассматривалась обществом как событие, достойное увековечивания. Свидетельством этому является серия публикаций «Великая война в образах и картинах», выходящая с 1914 г. [10–12]. И уже в тот период эта война рассматривалась как то событие, на котором стоит воспитывать нацию. В подтверждение этого тезиса сошлюсь на публикации дидак-

тического характера для школьников и студентов, появившиеся непосредственно еще в военное лихолетье: «Великая война в России за свободу и объединение славян. Сборник статей для школьных и народных библиотек» (М., 1914) [13], Г. Афанасьев «Происхождение теперешней войны. Лекция, прочитанная в Педагогическом музее цесаревича Алексея воспитанникам и воспитанницам киевских средних учебных заведений» (К., 1915) [7], М. Бречкевич «Великая европейская война, ее историческая основа и смысл. Публичная лекция, прочитанная 1 ноября 1914 г.» (Казань, 1914) [8], «Сборник лекций профессоров высших учебных заведений города Киева на тему «Война и заем» (К., 1917) [25], М. Любановский «О значении переживаемого ныне исторического момента (речь на акте медресовской гимназии 2 октября 1915 г.» (Б.м) [17].

Однако советская эпоха отодвинула опыт Великой войны на второй план. Войне дали ярлык «империалистической», чуждой интересам рабочих и крестьян, а следовательно опыт этой войны стал не важен. Изучение Первой мировой превратилось в поиск виновных в ее развязании и поиск нажившихся за ее счет, буквально на «народной крови». Кроме того, впоследствии Вторая мировая война, более масштабная и менее отдаленная во времени, вытеснила образ «Великой войны» 1914–1918 гг. и из народной памяти. Примеры советской риторики о Первой мировой на основе названий научных работ являются: «Заговор против мира: как была развязана империалистическая война в 1914 г. Факты и документы» (под ред. И. Ерухимовича, М., 1934 г.) [16], М. Миловский «Преступления империализма против человечества» (Л., 1966) [18].

Следствием такого подхода стало «забывание» Великой войны. Так что современная историография вполне справедливо иногда Первую мировую войну называет «Великой забытой войной» (В. Пархоменко «У войны забытое лицо. Малоизвестные страницы Первой мировой» (Николаев, 2011) [24]). Теперешние исследователи самого масштабного военного конфликта начала XX века как бы «припоминают» его, в том числе и реактуализируют его опыт.

А вместе с тем, для историков и публицистов русской эмиграции события Великой войны всегда оставались на слуху, над ними много рефлексировали, так как они знаменовали собой закат Российской империи и предвещали новый мировой конфликт, через который беженцы стремились ее восстановить (хотя бы частично). Поэтому обращение к этим наработкам русских эмигрантов является своевременным и важным.

В данной статье проанализированы ряд достаточно репрезентативных периодических изданий белоэмигрантов военного и военно-исторического характера, а именно журналы «Часовой» [26–96], «Вестник военных знаний» [2], «Александровец» [1–4], «Морской вестник» [19–23] и др., содержащих публикации о вооружении, тактике, персоналиях, психологических аспектах Первой мировой войны и прочее [5–6; 15].

Таким образом, целью статьи является обобщение уроков, извлеченных русской эмиграцией из войны 1914–1918 гг.

Целесообразно выделить три группы факторов, которые русская эмиграция подавала осмыслению в качестве своеобразных «уроков истории» для грядущих поколений России: **военный** (включающий вопросы стратегии, оперативного планирования, тактики боя, технической реорганизации армии, налаживания снабжения и работы тыла), **взаимодействие с «другими»** (как бывшими союзниками, так и бывшими противниками), **подготовка армии и населения к войне.**

Осмысление военного опыта Великой войны было связано с тем, что эмигранты понимали наличие скрытых конфликтов между народами Европы, которые при условии несовершенства Версальско-Вашингтонской системы должны были вылиться в новую мировую бойню [28, с. 9–11; 44, с. 8; 48, с. 4–5]. Ю. Данилов прямо говорит о несостоятельности Лиги Наций как фактора поддержания мира, поскольку в нее вошли не все государства, она выражала интересы исключительно победителей Великой войны, и в ее распоряжении не было военной силы для применения санкций в случае невыполнения каким-либо из государств норм установленного мирового порядка [38, с. 6–8]. Вторит ему и полковник Никольский: «Расчеты на Лигу Наций, принципиально безликую и идейно миротворящую, не оправдались» [74, с. 12–14]. То есть, новой войне быть – таково было мнение большинства русских беженцев. В середине 1930-х гг. тематика новой войны на страницах самого читаемого военного журнала «Часовой» вытесняла практически полностью военно-исторические опысы и становилась доминирующей [51–93].

Первый вопрос, который оказался на повестке дня в эмиграции – будет ли грядущая война позиционной (каковой была, в основном, Первая мировая), или она будет маневренной. Большинство авторов издания «Часовой» склонялись к мысли, что новая война будет более динамичной, чем предыдущая [31, с. 10–11; 32, с. 6–7; 44, с. 7–8]. В связи с этим эмигранты говорили о крайней важности изучения

опыта боевых действий на Кавказском фронте, которые демонстрировали невиданную для начала XX века динамику, в основном за счет использования конницы и благодаря личному таланту генерала Н. Н. Юденича [61, с. 12].

Вопрос об интенсивности боевых действий выводил на другую дихотомию, которая интенсивно обсуждалась русским воинством в изгнании, а именно наполеоновская наступательная стратегия (захват ключевых пунктов) или массированное наступление по всей линии фронта [58, с. 6]. Однозначного ответа на этот вопрос эмигранты дать не смогли. С одной стороны маневренность войны предусматривала высокую скорость наступления, которая возможна не по всему фронту, а на его конкретных участках, где достигнуто численное превосходство над противником. С другой стороны – слишком быстрое продвижение вглубь территории противника приводило бы к разрыву с центрами поставок вооружения и продовольствия, что и стало роковой для русской армии при наступлении в Восточной Пруссии в 1914 г. и при Брусиловском прорыве в 1916 г. [34, с. 19–21; 87, с. 11].

Приверженность эмигрантов к маневренной войне объяснялась еще и тем фактом, что среди них было много кавалеристов, и они, естественно, хотели найти свою профессиональную нишу в новом мировом противостоянии. Поэтому конникам приходилось доказывать, что они еще нужны. Но был фактор, с которым эмигранты не могли не считаться – это идущее семимильными шагами развитие военной техники, а именно танков и самоходных установок. Не без оснований они полагали, что эти роды войск могут задвинуть кавалерию на задворки истории [28, с. 19; 40, с. 11; 57, с. 6].

В. Нефедов утверждал, что маневры 1937 г., проведенные во Франции, показали, что ландшафтные особенности и трудности с подвозом топлива для бронетехники не позволяют полностью вытеснить конницу. И хотя ударная мощь бронедивизий, бесспорно, выше, конница тем не менее в условиях бездорожья эффективна на Востоке. Поэтому не может быть альтернативы «или, или», необходимость диктует: и армейская кавалерия, и танки. Хотя этот же автор акцентирует внимание на том, что опыт русской кавалерии, датированный 1918–1920 гг. отстает от современных требований на столетие и что кавалеристам в борьбе за Россию в рамках нового мирового конфликта придется многому учиться [93, с. 19].

У эмигрантов было далеко неоднозначное отношение к военной технике. С одной стороны, они отмечали важность технического про-

гресса в России кануна и периода Первой мировой войны [6, с. 47]. Многократно в военных изданиях публиковались статьи об улучшении качества беспроводной радиосвязи, о развитии техники минирования и обхода минных заграждений. Особенно часты были такие публикации в «Морском вестнике» [19, с. 15; 21, с. 30; 22, с. 57].

Эмигранты высоко отзывались о немецком химике Грабере, первооткрывателе удушающих газов [63, с. 13]. В тоже время красной нитью в эмигрантской прессе звучала некая технофобия. Например, делался акцент на многочисленной гибели русских солдат от своей же артиллерии, на тяжелом психологическом эффекте, оказываемом новыми видами вооружения на противника, что считалось антигуманным [28, с. 9–11].

Еще одной проблемой, ставшей после Первой мировой войны, был принцип комплектации армий: кадровая армия профессионалов (таковой в начале войны была немецкая армия), или массовая армия, укомплектованная путем всеобщей воинской повинности? В целом, эмигранты были склонны считать, что новое мировое противостояние будет не войной армий, а войной наций, а следовательно, число солдат, вовлеченных в бои будет значительным [39, с. 3–5; 46, с. 4]. Но, вместе с тем, эмигранты с осуждением относились к сокращению срока службы во Франции, ибо это могло сделать неподготовленных солдат «пушечным мясом» в условиях войны [95, с. 4]. Баланс между числом и профессионализмом эмигранты пытались найти через систему допризывной подготовки и через национально-патриотическое воспитание.

Массовость военных действий по идее должна была нивелировать роль полководческих талантов в решении конфликта. Но эмигранты наоборот стремились доказать, что «время Суворовых и Кутузовых» еще придет. Свидетельством чему могут служить многочисленные биографические очерки о «звездах» Первой мировой – Фоше, Людендорфе, Гинденбурге и пр. [35, с. 7–9; 85, с. 9].

Главный вывод из Первой мировой войны – это была война на истощение и следующая война будет такой же. Поэтому, успех военных операций во многом будет зависеть от промышленных мощностей тыла, сети железных дорог и логистики. Именно эти аспекты военно-стратегического бытия являлись слабой стороной Российской империи и они, а не морально-волевые качества солдат, зачастую становились причиной катастроф на фронте. Следует отметить, что эмигранты недооценивали промышленный потенциал СССР, считая его аграрной отсталой страной, абсолютно неготовой к войне

с Европейскими государствами. В этом они ошибались, но умение не замечать успехи СССР создавали для эмигрантов атмосферу психологического комфорта [29, с. 5; 39, с. 10; 45, с. 4; 47, с. 4–5].

Что касается опыта общения с «другими», то русская эмиграция попала в уникальные условия, когда контакты и с бывшими союзниками, и с бывшими врагами по Первой мировой были ежедневными, а прошлые представления о «других» должны были быть трансформированы таким образом, чтобы сделать максимально конструктивным теперешний диалог с населением стран-реципиентов.

Магистральной идеей через все статьи, касающиеся Великой войны, проходит идея, что Россия действовала по принципу: «сам погибай, а товарища выручай!» [29, с. 5]. Звучал также тезис, о том, что Россия буквально обрекла себя на коалиционную войну [33, с. 5–8]. Можно выделить четыре эпизода войны, которые описывали эмигранты, когда Россия выполняла свои союзнические обязательства в ущерб собственным интересам:

1. Вступления войск Раненкампа и Самсонова в Восточную Пруссию в августе 1914 г. с целью отвлечь на себя немецкие контингенты, сражающиеся на Марне.

2. Штурм Эрзерума 2 февраля 1916 г. с целью переброски турецких войск с месопотамского фронта, где они сражались с англичанами, на Кавказский.

3. Брусиловский прорыв июля – сентября 1916 г., который, равно как и наступление англичан на Сомме, был отвлекающим маневром направляемым на поддержку союзницы Франции, чтобы оттянуть войска из-под Вердена.

4. Помощь Румынии, присоединившейся к Антанте в августе 1916 г., в удержании линии фронта [26, с. 19–20; 32, с. 6–7; 87–89; 91–92].

Отмечая также и факт героического участия русского корпуса в составе французской армии [48, с. 9–11], эмигранты подчеркивали, однако, что в памяти союзников закрепились не самопожертвование русских солдат, а только позорный Брест-Литовский мир.

Обвинения в сторону бывших союзников многочисленны, причем, в основном речь шла не о том, что Антанта недостаточно поддержала белое движение как правопреемника имперской России в борьбе против большевиков, которые, по мнению эмигрантов, были напрямую связаны с немецким Генштабом, о том, что русские комбатанты в памятные дни чувствуют себя лишними на союзнических праздниках. Эмигрантов угнетало отсутствие пиетета перед их орде-

нами в Париже, отсутствие возможности пройти парадным маршем и непризнание их заслуг равными заслугам французских солдат.

Но как уже отмечалось, эмигранты были далеко не самостоятельны в своем поведении. Несколько сглаживали конфликт союзники – россияне в прессе заметки о приглашениях русских солдат и офицеров французскими братьями по оружию на их полковые праздники или публикации речей полководцев из числа союзников с признанием заслуг России [14; 15].

Однако этих «позитивных моментов» было явно мало. Эмигранты злорадствовали, когда Франция капитулировала перед Германией 22 июня 1940 г. В декабре 1940 г. передовица «Часового» выдвинула тезис о том, что основной причиной поражения Франции стала переоценка ею своих заслуг в Первой мировой войне: «Плохо, что руководители французских вооруженных сил стали рассматривать коллективную победу 1918 г., купленную огромной кровью (а более всего – русской кровью) как исключительную французскую победу. Война всего блока Антанты против Германии в понимании французам превратилась в франко-германскую войну» [95, с. 1–6].

Совсем иная ситуация сложилась с восприятием российской эмиграцией бывших военных противников. Существовало немало факторов, сближавших за границей русских и немцев. Это и ощущение национального унижения, и стремление решить ряд национальных задач при помощи новой войны, сложное материальное положение и многое другое [72; 73; 78–80].

В связи с этим Центральные государства в целом, и немцы в частности превратились на страницах эмигрантской военной периодики в людей с рыцарской этикой, в противника, достойного уважения. Такое описание предполагало возможность русско-немецкого союза в новой войне, к которому склонялись определенные эмигрантские круги.

Одним из примеров австрийского «рыцарства» на страницах «Часового» было следующее: австрийские офицеры во время борьбы с русской армией за перевалы Карпат оставили в блиндаже послание русским коллегам о том, что оставляют им комфортабельный и чистый блиндаж и небольшое угощение с расчетом на то, что русские офицеры будут поддерживать в нем чистоту до возвращения австрийцев. Покидая этот блиндаж через несколько недель в связи с перемещением линии фронта, русские офицеры написали благодарственное письмо и тоже обещали в скором времени вернуться в свое временное жилище [62]. Биографии немецких полководцев в эмигрант-

ской печати также представляют собой примеры идеальных жизнеописаний национальных вождей. Единственное, чего не могли бывшие белогвардейцы простить немцам так это «опломбированного вагона», который ввез в Россию революцию [29, с. 20–21]. Но собственно, сами же немцы и пострадали от революции, симптомы которой были очень похожи на октябрьские события 1917 г. в Петрограде. И осознание этого, снова-таки, выступало фактором сближения русских и немцев. Еще один образ немцев – нация, которая умеет делать выводы из своих поражений. Эмигранты очень пристально следили за развитием межвоенной немецкой машины и явно оценивали ее выше, чем французскую или советскую [95; 96].

Великая война очень остро поставила вопрос быстрой ротации кадров. Особенным явным был недостаток в младших пехотных офицерах: их жизнь на фронте была самой короткой. В российской армии 1917 г. 75 % офицеров составляли прапорщики и подпоручики военного времени [12]. Кроме того, как уже говорилось, Первая мировая показала, что война отныне идет не между армиями, а между нациями. Осмысление этих двух фактов выдвинуло на передний план разработку ускоренных программ для подготовки младшего офицерского состава и акцентировало внимание на вопросе национально-патриотического воспитания, первичного ознакомления учащейся молодежи с военным делом и поддержания актуальными знаний воинов, ушедших в запас. Это нашло отражение в эмигрантской военной печати [1–4].

Эмигранты отмечали национальный подъем в России на первом этапе войны, который сменился разочарованием в связи с ее затягиванием. Войска стали подверженными влиянию революционной пропаганды [41, с. 7–8]. И отсутствие контрпропаганды, призывающей к войне до победного конца, но при этом способной затронуть что-то личное в солдатах, эмигрантские публицисты ставили в вину командованию. В последующих войнах таких просчетов следовало избегать, что озвучивалось в газетах. Особенно опасным после опыта Октября считалось скопление резервных войск, много слушающих агитаторов, в столице [64, с. 4–5; 68, с. 17].

Важен был для солдат и позитивный пример из прошлого военной действительности. Этим примером в контексте Первой мировой войны на страницах «Вестника военных знаний» и «Часового» стала оборона русской крепости Осовец [14; 47]. Русские войска, несмотря на длительную газовую атаку и численное превосходство немцев в сотни раз, двинулись в наступление, чем ввели противника в панический страх. Кста-

ти, описание этой «атаки мертвых» и на сегодня очень часто встречается в социальных сетях и в популярном искусстве в России.

В тоже время на боеспособности русской армии в Великой войне негативно отражалась и общая безграмотность населения. Например, осознавая отдаленность районов своего проживания, солдаты при непонимании геополитических целей стран Четвертного союза утверждали примерно следующее: «мы рязанские, до нас немец не дойдет» [33, с. 3]. Преодоление неграмотности населения и разъяснительная работа о планах противника могли предотвратить появление таких мнений, которые разлагали фронт, по мнению эмигрантов, не меньше, чем гул вражеской артиллерии.

Первая мировая война впервые выдвинула на передний план психологические аспекты боевых действий. Пример Осовца – яркое тому подтверждение. Эмигранты пытались дать классификацию человеческих страхов на войне и выявить пути минимизации эффекта страха на боеспособность конкретного солдата [82]. В качестве примера негативных психологических явлений они приводили следующий факт. Русская артиллерия из-за нехватки снарядов стреляла гораздо реже, нежели немецкая, которая вела непрерывающийся огонь, однако точность попадания была невысока и не причиняла особого вреда русским бойцам, сидящим в окопах. Но «молчание» своей артиллерии приводило к тому, что солдаты ощущали себя покинутыми, ненужными. Это подрывало веру в победу и в опеку государства над своими защитниками [43, с. 11–12].

Как видим, Великая война с одной стороны показала необходимость наладить «конвейер» во всех отраслях, сопряженных с войной – выпуск оружия, подготовка масс, пропаганда и пр. С другой стороны, эта же война обосновала важность поддержания максимально возможного комфорта конкретного солдата, сидящего в окопе.

Таким образом, осмысление боевого опыта Первой мировой войны белоэмигрантами привели к пониманию ими как просчетов командования, слабых сторон организации русской армии, так и многих вызовов, стоящих перед человечеством в контексте приближающейся новой военной угрозы. Однако этот опыт остался зафиксированным только на бумаге. Ибо эмиграция не имела реальных рычагов влияния на ход дальнейших событий мирового масштаба.

Библиографические ссылки

1. Александровец. – № 6. – июнь 1928 г.
2. Александровец. – № 8. – август 1928 г.

3. Александровец. – № 9. – сентябрь 1928 г.
4. Александровец. – № 33. – сентябрь 1930 г.
5. Армия и флот. – № 3. – 1938 г.
6. Армия и флот. – № 6. – 1939 г.
7. *Афанасьев Г.* Происхождение теперешней войны. Лекция, прочитанная в Педагогическом музее цесаревича Алексея воспитанникам и воспитанницам Киевских средних учебных заведений / Г. Афанасьев. – К. : б. м., 1915. – 37 с.
8. *Бречкевич М. В.* Великая европейская война, ее исторические основы и смысл. Публичная лекция, прочитанная 2 ноября 1914 г. / М. В. Бречкевич. – Казань : б. м., 1914. – 48 с.
9. *Булгаков С.* Война и русское самосознание (публичная лекция) / С. Булгаков. – М. : б. м., 1915. – 59 с.
10. Великая война в образах и картинах / под ред. И. Лазаревского. – М. : Изд. Д. Я. Маковского, 1914. – Вып. 1. – 54 с.
11. Великая война в образах и картинах / под ред. И. Лазаревского. – М. : Изд. Д. Я. Маковского, 1915. – Вып. 1. – 42 с.
12. Великая война в образах и картинах / под ред. И. Лазаревского. – М. : Изд. Д. Я. Маковского, 1916. – Вып. 4. – С. 153–201.
13. Великая война России за свободу и объединение славян. Сборник статей для школьных и народных библиотек / под ред. Ш. Тихомирова. – М. : Юная Россия, 1914. – 136 с.
14. Вестник военных знаний. – № 2 (15). – май 1932 г.
15. Вестник правления общества галлиполийцев. – № 7. – июль 1924 г.
16. Заговор против мира: как была развязана империалистическая война в 1914 г. Факты и документы / под ред. И. Ерухимовича. – М. : Правда, 1934. – 163 с.
17. *Любавский М.* О значении переживаемого ныне исторического момента (речь на акте медвединовской гимназии 2 октября 1915 г.) / М. О. Любавский. – Б. м., б. и. – 9 с.
18. *Миловский М. П.* Преступление империализма против человечества / М. П. Миловский. – Л.: Соцпедгиз, 1966. – 40 с.
19. Морской журнал. – № 12. – декабрь 1928 г.
20. Морской журнал. – № 31–32. – июль–август 1930 г.
21. Морской журнал. – № 35. – май 1930 г.
22. Морской журнал. – № 41. – май 1931 г.
23. Морской журнал. – № 42. – июнь 1931 г.
24. *Пархоменко В. А.* У войны забытое лицо. Малоизвестные страницы Первой мировой / В. А. Пархоменко. – Николаев : ННУ им. В. А. Сухолинского, 2011. – 180 с.
25. Сборник лекций профессоров высших учебных заведений г. Киева на тему: «Война и заем». – К. : изд. Киевской конторы гос. банка, 1917. – 140 с.
26. Часовой. – № 3–4. – февраль 1929 г.
27. Часовой. – № 5–6. – март 1929 г.

28. Часовой. – № 11–12. – июнь 1929 г.
29. Часовой. – № 13–14. – июль 1929 г.
30. Часовой. – № 15–16. – август–сентябрь 1929 г.
31. Часовой. – № 17–18. – октябрь 1929 г.
32. Часовой. – № 23. – 15 января 1930 г.
33. Часовой. – № 24. – 31 января 1930 г.
34. Часовой. – № 32. – 30 мая 1930 г.
35. Часовой. – № 34. – 30 июня 1930 г.
36. Часовой. – № 35. – 15 июля 1930 г.
37. Часовой. – № 38. – 1 августа 1930 г.
38. Часовой. – № 39. – 15 сентября 1930 г.
39. Часовой. – № 41. – 15 октября 1930 г.
40. Часовой. – № 42. – 31 октября 1930 г.
41. Часовой. – № 43. – 15 ноября 1930 г.
42. Часовой. – № 44. – 30 ноября 1930 г.
43. Часовой. – № 45. – 15 декабря 1930 г.
44. Часовой. – № 46. – 31 декабря 1930 г.
45. Часовой. – № 49. – 15 февраля 1931 г.
46. Часовой. – № 52. – 31 марта 1931 г.
47. Часовой. – № 57. – 15 июня 1931 г.
48. Часовой. – № 60. – 31 июля 1931 г.
49. Часовой. – № 70. – 15 декабря 1931 г.
50. Часовой. – № 71. – 1 января 1932 г.
51. Часовой. – № 73. – 1 февраля 1932 г.
53. Часовой. – № 75. – 1 марта 1932 г.
54. Часовой. – № 76. – 15 марта 1932 г.
55. Часовой. – № 78. – 15 апреля 1932 г.
56. Часовой. – № 79. – 1 мая 1932 г.
57. Часовой. – № 94–95. – 1 января 1933 г.
58. Часовой. – № 97. – 1 февраля 1933 г.
59. Часовой. – № 100. – 1 марта 1933 г.
60. Часовой. – № 101–102. – 1 января 1933 г.
61. Часовой. – № 114–115. – 1 декабря 1933 г.
62. Часовой. – № 123–124. – пасхальный 1934 г.
63. Часовой. – № 125–126. – 1 мая 1934 г.
64. Часовой. – № 129–130. – 1 июля 1934 г.
65. Часовой. – № 131–132. – август 1934 г.
66. Часовой. – № 133–134. – сентябрь 1934 г.
67. Часовой. – № 135–136. – октябрь 1934 г.
68. Часовой. – № 137–138. – ноябрь 1934 г.
69. Часовой. – № 141–142. – январь 1935 г.
70. Часовой. – № 162. – 15 января 1936 г.
71. Часовой. – № 164. – март 1936 г.
72. Часовой. – № 165–166. – апрель 1936 г.

73. Часовой. – № 167–168. – май 1936 г.
74. Часовой. – № 172. – август 1936 г.
75. Часовой. – № 177. – 1 ноября 1936 г.
76. Часовой. – № 179. – 1 декабря 1936 г.
77. Часовой. – № 182–183. – январь 1937 г.
78. Часовой. – № 185. – 20 февраля 1937 г.
79. Часовой. – № 186. – 5 марта 1937 г.
80. Часовой. – № 187. – 20 марта 1937 г.
81. Часовой. – № 190. – 25 мая 1937 г.
82. Часовой. – № 194. – 5 августа 1937 г.
83. Часовой. – № 196. – 5 сентября 1937 г.
84. Часовой. – № 199. – 5 ноября 1937 г.
85. Часовой. – № 204. – 10 января 1938 г.
86. Часовой. – № 206. – 15 февраля 1938 г.
87. Часовой. – № 227. – 1 января 1939 г.
88. Часовой. – № 228–229. – 1 февраля 1939 г.
89. Часовой. – № 230. – 20 февраля 1939 г.
90. Часовой. – № 231. – 10 марта 1939 г.
91. Часовой. – № 234. – 1 мая 1939 г.
92. Часовой. – № 235. – 15 мая 1939 г.
93. Часовой. – № 238–239. – 5 июля 1939 г.
94. Часовой. – № 240–241. – 1 августа 1940 г.
95. Часовой. – № 253. – 1 декабря 1940 г.
96. Часовой. – № 254. – 25 декабря 1940 г.

Надійшла до редколегії 11.07.2014

УДК 94(4)–054.72 «1914»

А. Г. Венгер

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

**ЧОРНЕ ТА БІЛЕ: ГРОМАДЯНИН І НАУКОВЕЦЬ
М. БРЕЧКЕВИЧ ПРО ПОЧАТОК
«ВЕЛИКОЇ ЄВРОПЕЙСЬКОЇ ВІЙНИ»**

Проаналізовано погляди відомого вченого-славіста початку ХХ ст. М. Бречкевича на причини Першої світової війни. У публічній лекції, виходячи з власного досвіду перебування у Німеччині, виклав власне бачення